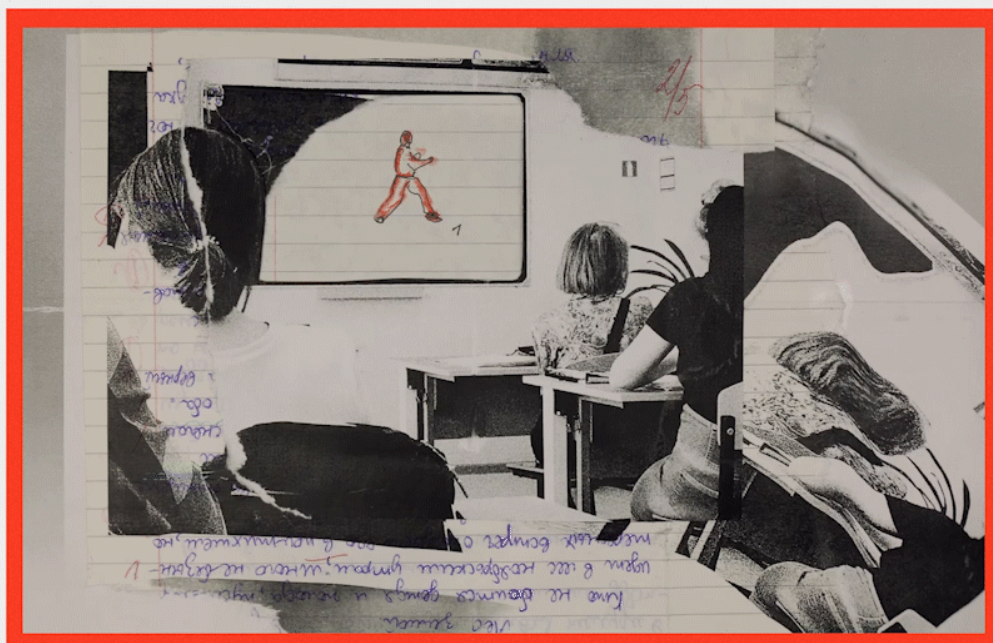

«При такой нагрузке любой человек озвереет»

25 июля 2023

Учитель в России может [пнуть](#) ученика в живот, [вытащить](#) из класса за шиворот, [приставить](#) нож к горлу, [оттаскать](#) за ухо, [стукнуть](#) учебником, [заставить](#) есть бумагу, [ударить](#) плетью, [трясти](#), схватив за шею, [бить](#), [унижать](#) и [оскорблять](#). Только за первое полугодие 2023 года медиа разных регионов России писали минимум о 23 таких случаях. Журналистка Ирина Корнеевская специально для «Новой вкладки» попыталась разобраться, почему так происходит и можно ли изменить ситуацию.

Главное место для буллинга

- Ты чё так себя ведёшь-то, сопля зелёная? Я тебя обоссу щас здесь, понял?
- Не надо, — всхлипывает мальчик.
- Прямо здесь сейчас, хочешь?
- Не надо.
- Какого хера ты так себя ведёшь?
- Извините, пожалуйста, больше не будет такого.

Аудиозапись, на которой учитель истории и обществознания Данил

Плотников из Копейска заставляет школьника многократно извиняться, стоя на коленях, в марте 2023 года вызвала бурю в челябинских медиа и соцсетях. Мнения комментаторов полярны: половина убеждена, что учителя нужно судить и больше не подпускать к детям, половина — что шестиклассник виноват сам: довёл педагога, да и вообще нынешние дети распустились, дерзят и хамят взрослым.

Огласку конфликту в копейской школе № 4 придали родители учеников Данила Плотникова. Они прислали видео в местные медиа и рассказали, что произошло.

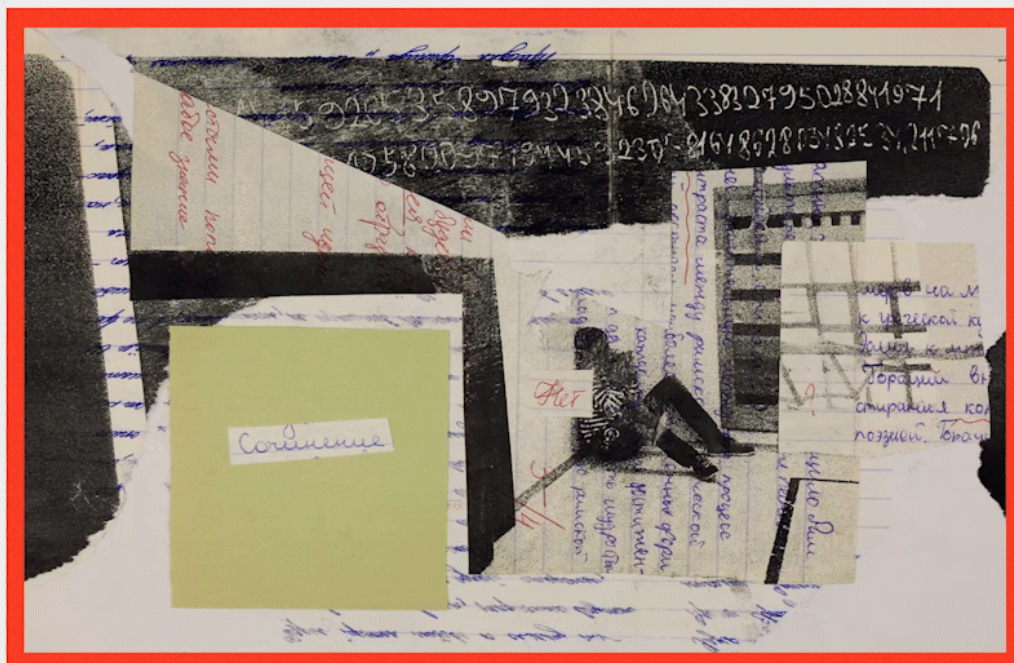
«Педагогу не понравилось, как вёл себя ребёнок на уроке, и он попросил его остаться в классе, — [пишет](#) 74.RU. — Когда остальные дети вышли, учитель начал отчитывать мальчика за поведение и смешки в свой адрес, а затем перешёл на повышенный тон и даже, судя по звукам, к рукоприкладству».

В течение следующих нескольких дней Плотникова отстранили от работы в школе, родители написали заявление в полицию — и против учителя завели уголовное дело по статье 156 УК РФ «Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего».

— Меня выдернули из школы прямо посреди урока, увезли и держали в полиции. Забрали на четвёртом уроке, а домой я приехал к двенадцати ночи, — вспоминает Данил Плотников. — Ночью выехали три оперативно-следственные группы, провели обыск по трём адресам проживания: у меня дома, у родителей и в квартире родственницы. Перерыли всё, изъяли технику, телефоны, планшет пятилетнего ребёнка.

Вот уже два месяца Данил — подозреваемый, обвинения ему не предъявлены.

Как именно развивалась ситуация, запись которой попала в СМИ, Данил комментировать отказывается, говорит обобщённо.

Учителя, которые срываются на учеников, есть в каждой школе, с такими сталкивается каждый класс, предполагает куратор проекта по работе с региональными школами Марина Петрова (имя изменено по просьбе экспертки). Под срывом она понимает прежде всего ситуацию унижения и оскорбления ученика учителем. «Физического насилия поменьше, потому что это регулируется законом», — считает она.

Специалисты сходятся во мнении, что учителя часто проявляют жестокость к детям, но официальных данных о буллинге учеников со стороны учителей нет. Во-первых, сложно определить, что считать таковым. Минпросвещения в своём [распоряжении](#) буллингом называет проявление агрессии, физическое насилие, унижение, издевательства и кибербуллинг. Однако уполномоченный по правам ребёнка при президенте РФ Мария Львова-Белова [считает](#), что в определение стоит добавить психологическое насилие.

Во-вторых, насилие в школах исследователи не разделяют по акторам. Педагог-психолог Лариса Глазырина [замечает](#), что и учителя, и ученики, и их родители могут быть как инициаторами насилия, так и его свидетелями или пострадавшими. Однако кое-какие данные о травле в образовательных учреждениях есть: в [опросе](#) ВЦИОМ, проведённом в 2021 году, школа оказалась основным местом буллинга — с травлей там сталкивались 38% опрошенных.

Психолог Дима Зицер считает, что в российской системе образования много хороших профессиональных учителей, а унижение учеников существует как «параллельная норма»: «Сегодняшние родители могут сказать учителю „вы с моим построже“ или „эта учительница хорошая, потому что она жёсткая“ — это значит, что часто востребованы именно эти качества».

Непомерная нагрузка и «нищенские» зарплаты

Эксперты считают, что после начала войны срывы учителей стали более резкими и внезапными. Причина — пропаганда войны в информационной среде, милитаризация школ и работа в обстановке, когда антивоенные взгляды могут принести большие проблемы.

— Работа в условиях, когда любая точка зрения, отличающаяся от официальной, порицается коллегами и родителями учеников, — это огромное дополнительное психическое напряжение, — говорит Марина Петрова, куратор проекта по работе со школами в регионах. Но даже без этих дополнительных трудностей 38% учителей, как показало [исследование](#), находятся в крайней стадии выгорания. К этому, по мнению специалистов, прежде всего приводит непомерная рабочая нагрузка. «Ставка учителя — 18 учебных часов, — говорит Петрова. — Но люди работают по 35-40».

Почти половина учителей в 2022 году работала в школе более чем на одну ставку, [подтверждают](#) исследователи РАНХиГС. «Средняя рабочая неделя российского учителя длится 43 часа, из них 24 часа составляет непосредственно преподавание, а оставшиеся 19 приходятся на планирование уроков, проверку работ, работу с коллегами, профессиональное развитие», — говорится в исследовании фонда «Шалаш».

— При такой нагрузке любой человек озверевает, — соглашается Иван Боганцев, экс-директор Европейской гимназии в Москве. В его «благополучной частной школе», говорит он, был мораторий на работу свыше 23 часов в неделю, оптимально — 15.

К переработкам учителей прежде всего приводит низкая зарплата. Согласно [опросу](#) учителей, проведённому РАНХиГС, на одну ставку работают

в основном специалисты с более высокими зарплатами, остальные вынуждены подрабатывать. Средняя зарплата российских специалистов сферы образования с дипломами вузов [составляет](#) 42–53 тысячи рублей — ниже только зарплаты работников сельского хозяйства.

Иван Боганцев называет зарплаты учителей «нищенскими»: «Из-за этого в профессию в целом идут „люди низкого качества“, не осознанные и плохо работающие со своими эмоциями. Многих из них, к сожалению, такие срывы [на учеников] вовсе не волнуют».

Нотки садизма

— Не отпущу, хоть описайтесь на уроке или обкакайтесь, — командным голосом выговаривает второклассникам учительница. — На уроке я в туалет никого не отпущу. Справку приносите, что у вас недержание, только после этого буду отпускать с урока в туалет. Всё поняли? Всё. Только на перемене. У вас была перемена, вместо того чтобы в туалет сходить — сикать, писать, что ты там собрался делать, — ты орал как бешеный. Вот и ори дальше у тебя в штанах там. Хоть обосрись. Ещё отца твоего вызову за такое поведение. Узнаешь у меня быстро, в туалет перехочется вообще ходить. Понятно?

Такую аудиозапись с руганью новой классной руководительницы (запись есть в распоряжении «Новой вкладки») в январе 2023 года мать второклассника одной из подмосковных школ прислала в родительский чат. Дальше на записи на фоне криков и плача ученицы учительница продолжает унижать детей и кричать на них: «какой же отвратительный класс мне достался», «это дурдом какой-то», «быстро сюда подошёл», «вон отсюда ушёл», «поживей ногами передвигай».

Мать периодически подключалась к телефону ребёнка через специальную программу, чтобы послушать, как он ведёт себя в школе. На эпизод с криком учителя она попала случайно и тут же записала его на диктофон. Родители в чате были шокированы записью. «Там прямо был жёсткий ор, — вспоминает Ольга Эрбис, мать второклассника. — Учительница орёт на девочку, которая прямо одуванчик, хрупкая, скромная, стеснительная. Я услышала в этом нотки какого-то садизма».

Такое поведение учительницы Ольга Эрбис считает далёким от понятия «дисциплина»: «Это какая-то неврастения, которую надо лечить. Это конкретное желание унижать человека, который не в состоянии тебе ответить. Она разговаривала с восьмилетними детьми, как разговаривают на зоне».

Среди учителей в России есть те, кто жесток к детям «просто потому, что им это нравится». «К сожалению, такие люди есть во всех профессиях, и в педагоги иногда идут те, кто получает удовольствие, унижая других», — говорит директор региональной школы Галина Фомичёва (имя изменено). Отсеивают таких людей далеко не все школьные руководители. «Это было бы возможно, если бы на одну вакансию учителя стояло 10 человек, а когда нет никого, многие думают: пришёл хоть кто-то — и слава богу», — поясняет она.

Ольга Эрбис допускает, что на поведение учительницы, скорее всего, повлияли какие-то обстоятельства: «У учителей, к сожалению — это очень по ним видно, — выгорание через одного. И не все люди понимают, когда они находятся, как говорится, не в ресурсе и надо что-то сделать с собой: выпить успокоительного, сходить побоксировать или к психологу. Но не сбрасывать этот негатив на детей».

После уроков, вспоминает Ольга Эрбис, родители собрались на крыльце

школы. У них не было доступа в школу, поэтому они стали звонить учительнице и просили выйти к ним «поговорить и извиниться перед детьми». Но учительница отказалась, а разобраться во всём пообещала завуч.

На следующий день учительница ушла на больничный и обвинила в случившемся детей. «Она написала заявление, что у неё нервный срыв, дети её довели, — говорит Ольга Эрбис. — Восемилеткам говорили на уроках, что они вызывают отвращение. Это говорит взрослый человек, педагог. Я ещё могла бы понять, если бы такая ситуация происходила с 9–10-м классом, когда ученики сидят на уроках с сигаретой, плюют в учителя, кроют его матом. Но это второклассники, они не сделали ничего страшного».

Через два дня родители написали коллективное письмо, в котором потребовали уволить учителя, сообщили, что намерены обратиться к уполномоченному по правам детей, в департамент образования и огласить историю в СМИ. Директор школы организовала собрание — на него пригласили только двоих родителей, а также всех учителей, которые раньше вели уроки у этого класса.

— Школа обернула всё таким образом, что учительница чудесная, прекрасная, а наши дети просто последние сволочи, которые над ней издевались. И мы, родители, тоже ужасные, собираем чуть ли не Майдан, — говорит Ольга Эрбис.

После конфликта директор подмосковной школы не уволила учительницу. Но вскоре назначили нового директора, и родителям удалось обсудить с ней случившееся. «Мы выслали ей записку, — рассказывает Ольга Эрбис. — Она собрала родительское собрание уже всего нашего класса и дала нам другого учителя. Потихонечку-потихонечку дела идут на лад. Есть надежда на нового директора».

«Мы жалуемся — им „прилетает“ сверху»

Родители нынешних школьников, по мнению директора региональной школы Галины Фомичёвой, — это люди, которым «очень сильно досталось в школе

в 90-е», поэтому они «очень обижены на своих учителей и систему образования» и активно защищают себя и детей от угроз. «Родители убеждены, — говорит Фомичёва, — что знают лучше, как нужно учить детей, поэтому переходят границы и начинают обвинять, а школа в ответ начинает заигрывать с родителями, чтобы они не писали жалобы».

Обратную ситуацию, когда школа отказывается признавать любые ошибки, Фомичёва тоже считает перекосом: «Когда на собрании мне говорят, что учителя косячат, я соглашаюсь, что они могут опоздать, не заполнить журнал или забыть задать домашнее задание. Они люди. Но когда мне говорят, что это плохой человек, я отвечаю, что не могу это комментировать, потому что для меня все люди нормальные. К сожалению, у нас каждый второй критик судит не поступки, а людей».

Обратиться в СМИ многим родителям кажется лучшим решением: они считают, что так проблема решится быстрее и проще. «Я всегда говорю [родителям учеников]: вы можете писать куда угодно, но система спустит всё на исполнителя, то бишь на школу, — говорит Галина Фомичёва. — Если дети говорят, что учитель бьёт их на уроках, давайте будем дежурить на уроках или установим камеру. Жалобами в СМИ разобраться не получится: все дадут удобный официальный комментарий. Проблему надо обсуждать и выяснять, что действительно происходит».

Эрбис считает, что, отказываясь пойти на диалог и признать проблемы, руководство школы мстило родителям: «Мы жалуемся — им „прилетает“ сверху».

Такое, по мнению исследовательницы насилия в школах Ларисы Глазыриной, случается часто: «Руководство образовательного учреждения, как правило, отрицает факты насилия со стороны учителей, — [пишет](#) экспертка в своём пособии. — Соккрытие насилия, совершённого педагогами или учащимися, объясняется нежеланием руководства образовательной организации наносить ущерб своей репутации, <...> привлекать внимание контролирующих органов, нести ответственность за произошедшее».

Школа — это «конец пищевой цепи», считают специалисты. «Над ними есть Минпросвещения, департаменты образования, есть ещё ИРО — институты развития образования, — говорит Марина Петрова, куратор проекта

по работе с региональными школами. — От них в школы приходит очень много директив, и школы их должны выполнить, их просто засыпают письмами».

В последние годы родители имеют доступ к происходящему в школе только через классного руководителя. «В системе нет места, где можно обсуждать, делиться мнениями и чувствами. Сотрудничества нет, поэтому всё превращается в непроговорённое, — считает Марина Петрова. — Коммуникация между родителями и школой — это высказывание претензий и отчёты, а не разговор человека, который любит ребёнка, и эксперта в педагогике».

Самая бесправная фигура

Российские школьники часто дразнят учителей, придумывают им клички и прозвища, обсуждают их личную жизнь, игнорируют и отказываются выполнять требования, специально систематически нарушают дисциплину и демонстрируют презрение с помощью жестов или взглядов. Как минимум с одной из перечисленных форм агрессии [сталкивались](#) 70% российских учителей, а угрозы от учеников слышал хотя бы раз каждый второй учитель.

Зачастую в конфликтах с учениками и их родителями, по словам специалистов, работающих в сфере образования, учителям не стоит рассчитывать на помощь и защиту со стороны руководства. «Если директор не готов к диалогу, учитель остаётся один на один со всеми проблемами, ему не с кем поделиться тем, что его беспокоит, при этом он никак не может повлиять на происходящее», — считает Марина Петрова.

учеников из неблагополучных семей. «Эта школа включена в [список](#) школ с низким образовательным результатом, то есть входит в 500 худших школ страны, — объясняет педагог. — В классе, где я был классным руководителем, из 23 человек только у троих была полная семья. В нашем районе вообще население пополняется так: пропил квартиру в центре — купил здесь в бараке».

По словам Данила, его попытки привлечь «очень уставших и загнанных» родителей к решению трудных ситуаций с детьми часто проваливались. «Вы видели, как живёт Россия в глубине своей? С её инфраструктурой, уровнем и качеством жизни, простите, с туалетами на улице? Страна, где медианная зарплата — ниже 35 тысяч рублей? Я понимаю, что многим родителям тяжело, они не вывозят свою жизнь, а тут ещё ребёнок, за которого тебя шпыняют и ты не можешь ему помочь».

Плотников — далеко не единственный учитель, который сталкивался с трудностями в общении с родителями учеников. Вот что [рассказывали](#) об этом педагоги из разных регионов фонду «Шалаш»:

— Я не скажу, что есть трудные дети. Я бы сказала, что есть родители, наверное, и чем они кормят своих детей, то дети и отражают. Это же дети. Они отражают то, что видят дома.

— Родители считают, что учителя во всём виноваты, только не они и только не их дети.

— Очень тяжело работать и с ребёнком, и с его семьей, которая думает, что мы хотим сделать что-то плохое, а мы хотим сделать лучше, помочь.

Эффективная коммуникация семьи и школы, по [данным](#) Высшей школы экономики, действительно помогает школьникам достичь более высоких образовательных результатов, поддерживает их мотивацию и интерес к учёбе. Помимо этого, взаимодействие родителей и школы повышает заинтересованность учителей, снижает уровень насилия и буллинга в школе, улучшает репутацию школы в профессиональных кругах и в местном сообществе. Однако наладить процесс сложно, подтверждают эксперты: родители зачастую плохо могут выразить свои ожидания, а учителя испытывают дискомфорт из-за родительской оценки, не получают достаточного признания своей компетентности и стремятся сохранить автономию.

Социальное неблагополучие усугубляет ситуацию с насилием в школе, [выяснила](#) профессор НИУ ВШЭ Ирина Сизова. «В общеобразовательную школу приходят дети из семей с разным социальным и материальным положением, и это способствует эскалации агрессии, — замечает она. — В дополнение ко всему престиж учительской профессии в последние годы резко снижался, что сделало школу более слабой перед распространением насилия».

Данил Плотников считает, что своё недовольство жизнью родители срывают на учителях. Например, когда ему приходилось решать проблему педикулёза, родители реагировали агрессивно. «„Ты чё к нам в жизнь лезешь? Ты знаешь, сколько стоит баню протопить зимой? Вода в колонке, а колонка в 500 метрах от дома“. Кажется, что учитель — это такой громоотвод, через который спускается социальное напряжение», — приводит пример педагог.

Дети, по мнению Данила, считают такое отношение родителей к учителям и начинают вести себя похожим образом: «Могут позволить себе меня оскорбить, пнуть, на хер послать — и за это им реально ничего не будет».

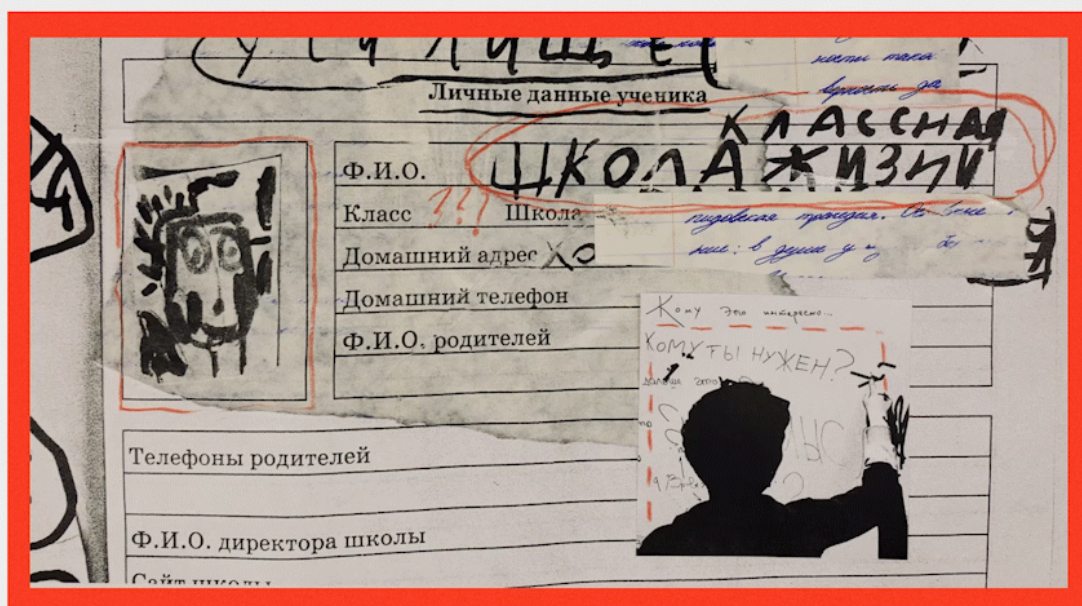
— Родители действительно часто воспринимают наши попытки помочь или что-то посоветовать как угрозу своей семье, а не как конструктивную обратную связь, — подтверждает Галина Фомичёва. — Мы на каждом родительском собрании просим не обсуждать дома учителей, потому что в школе дети начинают говорить словами родителей.

По опыту Данила Плотникова, в любом конфликте учителя с семьёй ученика руководство школы старается идти по пути наименьшего сопротивления: «Если у тебя какие-то педагогические затруднения с ребёнком или родителем, администрация тебе не поможет, — говорит он. — Они скажут: „Не справляешься — не умеешь работать“. Им главное, чтобы их не колебали. А крайним назначат в любом случае тебя. Вроде бы ученик, родитель, учитель и администрация вместе должны работать на один результат. А получается, что всех стравливают между собой. В современной школе учитель — это самая бесправная фигура (придётся перейти на южноуральский сленг), „терпилы“».

У школы «связаны руки»

Две трети опрошенных россиян, по [данным](#) ФОМ, считают, что учитель обязан не только давать школьникам знания по различным предметам, но и вести воспитательную деятельность. «Предполагается, что любой педагог будет способен справиться с ситуациями, вызванными особенностями поведения отдельных учеников, а также помочь ребёнку в дальнейшем выработать более социально приемлемые паттерны взаимодействия с окружением», — [закljučают](#) исследователи фонда «Шалаш». При этом законодательно у учителей-предметников прямых обязанностей по работе с поведением нет. Кроме того, многие родители, ожидая от учителя вклада в воспитание, на деле отказываются подключать к работе с ребёнком психологическую службу.

Данил говорит, что иногда ощущал себя в классе в безвыходной ситуации: хороших методов решения проблем в моменте он не видел. Он не мог уйти из класса — это основание для выговора. Не мог выставить за дверь разбушевавшегося ученика: «Ты нарушил право учащегося на образование — прокуратура, выговор, и нет премии. За любое дисциплинарное замечание я получу только оклад — у меня это было 12 тысяч рублей». Оставить в наказание ученика после уроков, «как в американских фильмах», учитель тоже не имеет права: «Ограничение свободы, уголовная статья. Нет никаких методов, кроме „Ну, пожалуйста. Ну, давай“».

Другие учителя тоже ощущают бессилие и считают, что у школы «связаны руки». Методы, которые предлагаются школе для работы с подростками с трудным поведением, «оказываются недейственными, потому что не имеют никаких последствий для ученика, для родителей», [считают](#) эксперты.

— Дети хорошо понимают, что школа де-факто не может наложить на них никаких существенных санкций за трудное поведение, поэтому, как правило, профилактические беседы учителя или социального педагога с учеником не приводят к результату, — говорится в исследовании «Шалаша». А если дело доходит до комиссии по делам несовершеннолетних, она просто поручает школе организовать более пристальный контроль над учеником.

В трудных ситуациях многие российские учителя действуют по интуиции. Они стараются доверительно поговорить с учеником наедине, выстраивают свой имидж — мудрого, строгого или педагога-друга, которого стыдно расстраивать, разрабатывают игровые форматы уроков, проводят интересные внеклассные занятия, пытаются устанавливать границы, игнорировать школьников, склонных к трудному поведению, или намеренно ставить своей реакцией в тупик. Одна из [опрошенных](#) фондом «Шалаш» учительниц вспоминает, как ученик в ответ на просьбу разобрать предложение у доски ответил ей: «Да пошла ты на ***». «Я ему сказала: «Прекрасное предложение. Пойдём запишем его на доске», — приводит слова учительницы фонд в своём исследовании. — «Чё, прям так

и писать?» — «Ну ты же так сказал. Давай так прям и напишем, сделаем синтаксический разбор». В результате ученик не вышел к доске, потому что ему стало стыдно.

Эти методы сами учителя считают эффективными только частично. Эффект от них непредсказуем и случаен: один подход может сработать в конкретной ситуации с конкретным учеником, но его сложно экстраполировать на работу со всеми. Некоторые методы эксперты называют спорными: так решают скорее проблему школы или конкретного учителя, чем помогают ребёнку. В некоторых случаях получается даже негативный эффект: ухудшение качества образования, повышение тревожности, страхов.

Помогающая профессия

Когда копейскую школу № 4, в которой работал Данил Плотников, включили в список школ с низкими образовательными результатами, ей полагалась программа содействия, включающая «адресную поддержку учащихся с проблемами в обучении». В штате школы должны были появиться опытные руководители-управленцы, методисты и высококвалифицированные педагоги-наставники.

Данил говорит, что надеялся на реальную поддержку и помощь в работе: сначала учителям объявили, что утверждают учебные мероприятия, и для подготовки к ним попросили отправить конспекты уроков. Но после этого никто из методистов и организаторов проекта в школу не приехал. «Мы думали, сейчас приедут ребята, научат, — говорит Плотников. — В итоге — просто отчёт об отчётах, + 100 500 отчётов и обязательные просмотры вебинаров. И ладно были бы крутые вебинары. Просто сидит студент и реально читает тебе учебник по педагогике».

Большинство учителей, с которыми поговорили эксперты фонда «Шалаш», заявили, что испытывают недостаток знаний об эффективных методиках работы с трудным поведением. Как и Данил, они считают, что педагогику и детскую психологию в вузах преподают плохо и что общение с детьми и их родителями требует новых подходов. Например, сейчас специалисты [считают](#), что протест подростков в ответ на попытки учителя насаждать в классе жёсткую дисциплину — это нормальная реакция, попытка отстоять свои права и границы, а не «трудный» характер. Одна из педагогов,

участвовавших в исследовании фонда, вспоминает важную для неё идею: «Не всё время в конфликте оба виноваты. Может, в конфликте оба правы?»

«Дети привыкли, что на них кричат, — говорит Марина Петрова. — И когда учитель приходит и говорит, что не будет повышать голос, ученики, конечно же, начинают его провоцировать — и уровень шума в классе взлетает до небес. Но ты просто продолжаешь гнуть свою линию: ты не кричишь на детей, продолжаешь вести урок, выстраиваешь правила, даёшь обратную связь». Такая работа тяжела психологически, поэтому в одиночку учитель с ней не справится, считает Петрова.

— Учитель — это помогающая профессия, — говорит она. — Поэтому им всем нужно и психологическое сопровождение. Увы, учителя не могут позволить себе психотерапевта или психолога даже на онлайн-ресурсах.

Посещать психотерапевта нужно всем учителям, соглашается директор региональной школы Галина Фомичёва. Но, по её мнению, причина, почему этого не происходит, не в деньгах. «Это вопрос приоритетов: в нашем обществе очень низкий уровень психологической культуры, и многие думают, что получать психологическую помощь стыдно». «В школах не хватает психологов даже для того, чтобы работать с детьми, — говорит Иван Боганцев. — Не говоря уж о самих учителях. Соответственно, их психологическое благополучие совершенно никого не волнует».

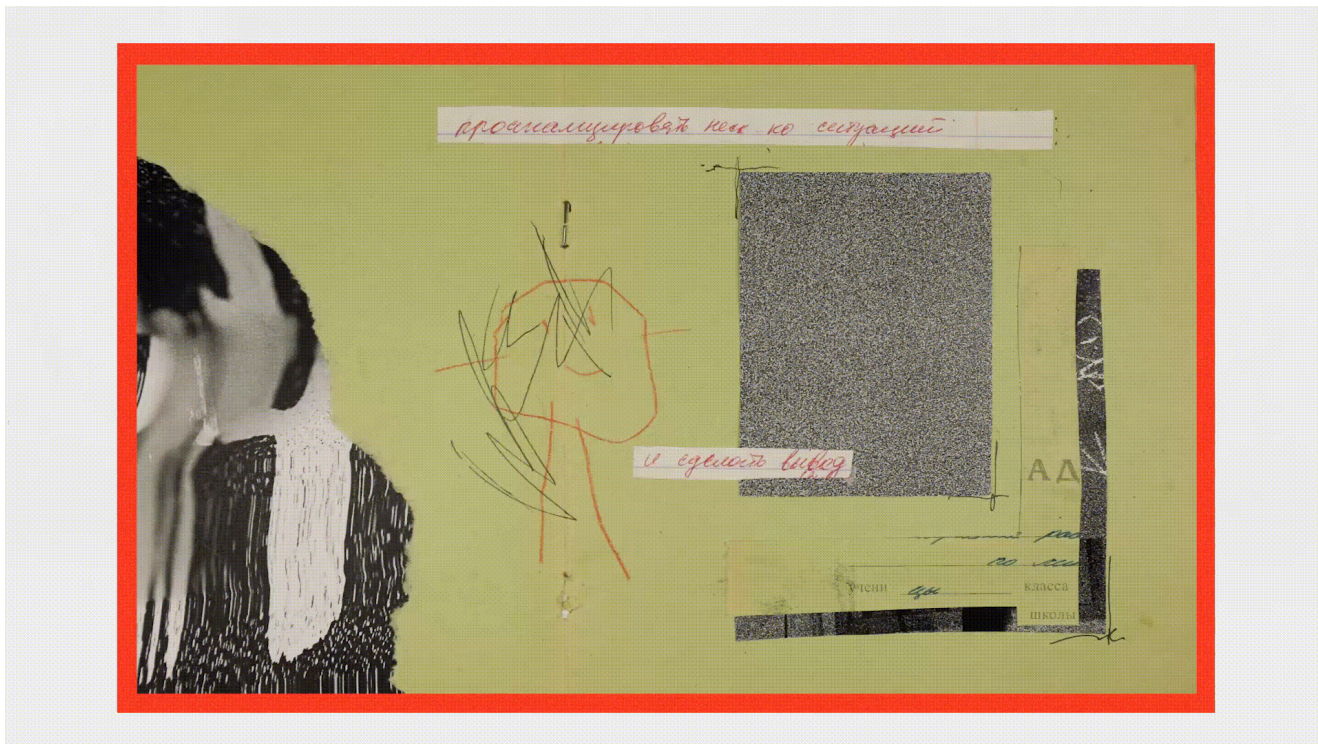
Примерно половина школ не имеют в штате социального педагога или психолога, [выяснили](#) эксперты НИУ ВШЭ. Это значит, что работа на постоянной основе с трудным поведением школьников ложится на учителей. В тех же школах, где такие специалисты есть, их уровень «зачастую не соответствует современным вызовам и проблемам». Уполномоченный по правам ребёнка в РФ Мария Львова-Белова [предлагает](#) решать проблему отсутствия психологов, подключая к работе со школьниками «работников школ, которые заинтересованы в детях и пользуются их уважением. Это может быть охранник, учитель физкультуры, работник столовой».

Третьестепенный симптом

Как показывают исследования, сейчас в школу [приходят](#) работать только 62% выпускников-педагогов, и половина из них [увольняются](#) в первые пять лет работы и меняют сферу деятельности. 60% учителей считают, что в последние годы в школе становится работать всё сложнее.

По мнению директора школы Галины Фомичёвой, с каждым учителем, которому трудно, нужно работать индивидуально. «Когда учитель приходит ко мне и жалуется на учеников, он в позиции жертвы, над которой можно издеваться. Рано или поздно уставший учитель не сможет себя контролировать и сорвётся — так появляются все эти ролики в интернете. Чаще всего это вырезки — дети же не снимают, как учитель плачет после уроков или пьёт валерьянку. Они снимают, только когда учитель бьёт или орёт».

Но тем не менее, убеждена Галина Фомичёва, любой учитель может сделать так, чтобы ученики его слушали. Прежде всего он должен сделать урок интересным: «Пока учитель сам не поймёт, какого результата он хочет добиться, ни директор, ни родители не спасут его от того, как ведут себя дети на уроке». В каждой подобной ситуации Фомичёва приходит на уроки, чтобы посмотреть, как они проходят, а потом обсуждает с учителем его подход, цели урока и помогает готовиться к занятию. Совместная работа с учителем, по словам директора, постепенно меняет его отношение к работе и, как следствие, отношения с учениками.

Без серьёзных структурных реформ говорить об учителях, которые не справляются с эмоциями, бессмысленно, считает Иван Боганцев, экс-директор Европейской гимназии в Москве. «Реформ, которые затронут всё: оплату труда, систему подбора и обучения будущих учителей, образовательную программу, систему отчётности и так далее, — говорит он. — То, что кто-то там сегодня срывается, это, к сожалению, третьестепенный симптом, лечить который отдельно от болезни не имеет никакого смысла».

— Странно в тот момент, когда в школе происходит милитаризация, ожидать, что там откуда-то появится гуманизация отношений, — считает психолог Дима Зицер. — Если мы говорим, что школа больна, то кто здоров? Школа — отражение абсолютно всего общества — потрясающе, насколько больше, чем любой другой институт. Всё это [насилие в школе] может прекратиться в один день. Если родители скажут: мы не позволяем унижать, орать, насиловать наших детей. Если из 30 учеников в классе уйдут 20 — например, на семейную форму обучения. Но для этого взрослые должны перейти на сторону света и перестать оправдывать насильников. И не говорить ребёнку, который оказался в ситуации насилия: «Ну-ну, надо потерпеть».

Опасные бандиты

В большинстве появившихся в СМИ историй о жестокости учителей по отношению к детям родители обращаются с заявлением в полицию. К ситуации часто подключаются управление образования, детский омбудсмен, МВД, прокуратура и Следственный комитет.

— Если ситуация попала в СМИ, абсолютно сразу же в школу приходит рекомендация уволить этого учителя, — говорит Галина Фомичёва, директор региональной школы. — Письменно вам никто ничего не напишет. Просто позвонят и «порекомендуют». А через неделю перезвонят и спросят, были ли выполнены «рекомендации». В образовании слово «рекомендовано» равно слову «приказываю». Если директор по какой-либо причине встанет на защиту своего учителя, будет выбор уволить директора либо учителя.

Отстранённый учитель Данил Плотников говорит, что сейчас ему страшно из-за развития ситуации после того, как он «прославился не с самой лучшей стороны».

— Я знаю, как в нашей стране работает система, где в каждом кабинете следователя висит изречение Дзержинского «Отсутствие у вас судимости — это не ваша заслуга, а наша недоработка». Вы представьте, приезжают все три оперативно-следственные группы, которые есть у нас в Копейске, и всю ночь занимаются мной. Опасный бандит. Я же не убил никого, не ограбил, не изнасиловал. Не ощущаю себя каким-то душегубом и убийцей. Может быть, я плохой учитель, который не нашёл правильного подхода, но точно не преступник.

Что будет дальше, Данил не представляет. Он почти смирился, что его педагогическая карьера, скорее всего, закончилась и пока неофициально работает юристом — по второму образованию. Плотников признаётся, что ему нравилось преподавать историю, но напряжение он ощущал уже давно: «Блин, зная себя, думаю, рано или поздно где-то обязательно должно было бабахнуть. Если бы проглотил эту ситуацию, вылезло бы в чём-то другом. На новой работе я зарабатываю в два раза больше. Думаю: чё я за школу столько лет держался? В конце концов, сын растёт, на учительскую зарплату нормально не прожить».

Считать школу местом, где насилие в России особенно распространено, неправильно, считает психолог Дима Зицер. «Было бы странно, если бы учителя не унижали детей, — комментирует он. — Россия начинает войны, в России декриминализировано семейное насилие. Россия очень тяжело больна насилием, и школа как один из общественных институтов не может не отражать эту ситуацию. Так себя ведут просто потому, что могут, вот и всё. Не в школе, а в обществе в целом принято унижать более слабого».